

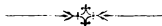
ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1909.

(съ приложеніемъ одной таблицы).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1910.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

357. Н. В. Кюнерь. Описание Тибета. Часть I Географическая. Вып. 1-й. Имя, границы, обзоръ путешествій. Владивостокъ 1907, XXXII, VIII, 262, 129 стр. 8°.—Вып. 2-й. Очеркъ физической географіи Тибета. Ibid. XVIII, 182, 90 стр. 8°.—Часть II Этнографическая. Вып. 1-й. Составъ и бытъ населенія. Владивостокъ 1908. XXVIII, 117, 111 стр. 8°.—Вып. 2-й. Экономическій очеркъ Тибета. Ibid. XII, 183, 96 стр. 8°.

Обширный трудъ Н. В. Кюнера предпринятъ съ цѣлью «дать возможно полный критическій обзоръ существующихъ въ европейской и русской литературѣ данныхъ относительно географіи и этнографіи, политической, культурной, въ частности религіозной, и экономической жизни» Тибета. Двѣ первыхъ части труда, доставившія автору степень магистра исторіи Востока, заключаютъ въ себѣ сводъ данныхъ по географіи и этнографіи страны; третью часть, еще не вышедшую въ свѣтъ, авторъ предполагаетъ посвятить обзору исторіи Тибета, въ частности изложенію «возникновенія и постепеннаго развитія тибетской культуры и ламаизма».

Изъ предисловія видно, что планъ составленія такого обзора возникъ подъ влияніемъ событій 1903—4 гг., выдвинувшихъ Тибетъ «на одно изъ первыхъ мѣстъ въ политикѣ европейскихъ державъ въ Азіи» и вызвавшихъ обширную литературу объ этой странѣ. Большая часть книгъ и брошюръ о Тибетѣ, появившихся въ то время, имѣла цѣлью только удовлетвореніе временнаго любопытства читателей, вызваннаго политическими событіями. Совершенно иной была цѣль труда Н. В. Кюнера. Исходя изъ преувеличенной оцѣнки англо-тибетскаго договора 7 сент. (н. ст.) 1904 г., авторъ еще въ то время, когда писалъ предисловіе къ своей книгѣ (въ іюнѣ 1907 г.), считалъ этотъ договоръ началомъ новой эры не только въ исторіи

изученія Тибета, но и въ исторіи самой страны; ему казалось, что въ непродолжительномъ будущемъ «историческій Тибетъ исчезнетъ; его мѣсто займетъ Тибетъ ученыхъ изслѣдователей и европейскихъ торгово-промышленныхъ дѣятелей» (ч. I, вып. I, предисл., стр. VI). Въ виду этого ему представлялось настоятельно необходимымъ именно въ настоящее время составить сводъ всѣхъ данныхъ объ «историческомъ Тибетѣ», собранныхъ прежними изслѣдователями.

Ожиданія автора, какъ извѣстно, не оправдались, въ чемъ онъ убѣдился и самъ во время составленія своей книги. Ни одинъ изъ пунктовъ, открытыхъ по договору для англійской торговли, не былъ даже посѣщенъ англійскими купцами (ч. II, вып. II, прим., стр. 92); для ученыхъ изслѣдованій не только не были устранены прежнія затрудненія, но были созданы новыя: по англо-русской конвенціи 18/31 августа 1907 г. «оба правительства взаимно обязались не допускать въ Тибетъ въ теченіе трехъ лѣтъ никакой научной экспедиціи» (ч. I, вып. I, прим., стр. 129). Изъ всего этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы появленіе книги Н. В. Кюнера въ настоящее время было излишнимъ или несвоевременнымъ. Литература о Тибетѣ настолько значительна и разбросана, что подобный сводъ данныхъ о странѣ и ея населеніи, несомнѣнно, удовлетворяетъ вполне назрѣвшей потребности.

Компилятивные труды, заключающіе въ себѣ сводъ данныхъ по какой-нибудь отрасли науки (напр. «Grundriss der indoarischen Philologie» и «Grundriss der iranischen Philologie») или сводъ свѣдѣній о какой-нибудь странѣ (напр. изданія министерства финансовъ, посвященныя описанію Маньчжуріи и Кореи), обыкновенно являются результатомъ коллективной работы. Н. В. Кюнеръ приступилъ къ составленію такого труда единолично, безъ сотрудниковъ, что свидѣлствуетъ о выдающейся работоспособности и рѣдкомъ научномъ энтузіазмѣ. Но тою же причиною въ значительной степени объясняется главный недостатокъ труда — недостаточное критическое отношеніе автора къ своимъ источникамъ и пособиямъ. Требованиямъ, которыя обыкновенно предъявляются къ компилятивнымъ трудамъ специалистовъ¹⁾, книга Н. В. Кюнера не могла бы удовлетворить; авторъ далеко не всегда былъ въ состояніи опредѣлить, какіе изъ приводимыхъ имъ взглядовъ могутъ быть признаны научно доказанными и какіе остаются только личными мнѣніями того или другого изслѣдователя. Въ вышедшихъ до сихъ поръ частяхъ труда, географической и этнографической, этотъ недостатокъ долженъ былъ сказаться особенно замѣтно, такъ какъ авторъ,

1) Ср. напр. слова бар. В. Р. Розена въ З. В. О. I, 229 и II, 292.

какъ видно изъ многихъ мѣстъ его книги, не является специалистомъ ни въ области географической, ни въ области этнографической науки.

Наиболѣе цѣнной частью труда долженъ быть признанъ, по моему мнѣнiю, первый выпускъ первой части, посвященный исторiи ознакомленiя европейцевъ съ Тибетомъ. Авторъ далъ намъ подробный обзоръ европейскихъ путешествiй въ Тибетъ, въ которомъ можно отмѣтить только несущественные пробѣлы¹⁾. Китайскихъ и мусульманскихъ извѣстiй о Тибетѣ авторъ касается только мимоходомъ; въ этомъ отношенiи его трудъ нуждается въ значительныхъ дополненiяхъ, которыя, вѣроятно, будутъ имъ сдѣланы при составленiи исторической части. Относительно китайскихъ источниковъ авторъ уже на публичномъ диспутѣ получилъ отъ компетентнаго лица нѣкоторыя указанiя, которыми, вѣроятно, воспользуется; мусульманскiе источники использованы имъ въ крайне незначительной степени. Къ сожалѣнiю, то изъ произведенiй мусульманской географической литературы, гдѣ мы находимъ больше всего свѣдѣнiй о Тибетѣ (рукопись Туманскаго)²⁾, еще не сдѣлалось доступнымъ для общаго пользованiя; но Н. В. Кюнеромъ не использованы даже сочиненiя, давно переведенныя на европейскiе языки. Совершенно невѣрно, что первымъ арабскимъ писателемъ, упоминающимъ о Тибетѣ, былъ Истахри (стр. 4)³⁾; самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (прим., стр. 42) замѣчаетъ, что графъ Геза Кунъ «приводить въ арабскомъ текстѣ и венгерскомъ переводѣ мѣста, относящiяся до Тибета, изъ арабскихъ писателей⁴⁾, начиная съ Ибнъ-Хордадбега (IX в.) до Абулгази (XVII в.)». Совершенно ошибочно предположенiе, что арабы заимствовали самое слово «Тибетъ» изъ Китая или изъ Кашмира (стр. 3), причемъ второе признается болѣе вѣроятнымъ (прим., стр. 10). Изъ орхонскихъ и снисейскихъ надписей видно, что слово «Тупугъ» или «Тѣптѣ»⁵⁾ давно уже употреблялось среднеазиатскими турками; что арабское названiе Тибета заимствовано изъ Средней Азiи, видно уже изъ того факта, что тибетскiй

1) Такъ во 2-мъ выпускѣ (стр. 72) говорится, что «единственной лодкою, спускавшею когда-либо на озеро Манасароваръ, была лодка, принадлежавшая Друммонду; при этомъ не сообщается, кто былъ этотъ Друммондъ, даже не приводятся слова Шерринга (Sherring, Western Tibet and the British Borderland, 1906, p. 273), по которымъ онъ былъ комиссаромъ въ Bareilly. Читатель, естественно, будетъ искать въ первомъ выпускѣ свѣдѣнiй о Друммондѣ и его путешествiи, но не найдетъ тамъ ни слова.

2) Ср. З. В. О. X, 121 и слѣд., заглавiе главы о Тибетѣ (л. 16 а) на стр. 130.

3) То же самое сказано также въ статьѣ Г. Е. Грумъ-Гржимайло въ Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона (XXXIII, 142).

4) Мы, конечно, не придаемъ значенiя этому lapsus calami, вслѣдствiе котораго Абулгази оказался въ числѣ арабскихъ писателей.

5) Встрѣчается въ нѣсколькихъ мѣстахъ большихъ надписей (К 4,11; X 5,9; Ка 3,4; Хб 3,4). Ср. также титулъ «Тупугъ Канъ» въ надписи MM. III b, 2 (W. Radloff, Die alt-türkischen Inschriften der Mongolei, St.-P. 1896, S. 336).

государь носить въ арабскихъ источникахъ турецкій титулъ хакана¹⁾. Сверхъ того въ мусульманской литературѣ нѣтъ описанія пути въ Тибетъ ни изъ Китая, ни изъ Кашмира, тогда какъ, кромѣ непосредственныхъ торговыхъ сношеній между тогдашней пограничною областью ислама Бадахшаномъ и Тибетомъ черезъ Ваханъ²⁾, описывается еще путь въ Тибетъ изъ Кашгара и Хотана³⁾.

Изъ военныхъ походовъ мусульманъ на Тибетъ авторъ упоминаетъ только о походѣ (въ XVI в.) Мухаммедъ-Хайдера (прим., стр. 19—21)⁴⁾ и полагаетъ, что «извѣстия о прежнихъ мусульманскихъ походахъ сомнительны»; но столь же достовѣренъ рассказъ о болѣе раннемъ (XIII в.) походѣ султана Мухаммедъ-Бахтіяра на Тибетъ изъ Бенгаліи, переданный авторомъ того же XIII в., историкомъ Джужджани⁵⁾. Изъ другихъ мусульманскихъ извѣстій о Тибетѣ, не использованныхъ Н. В. Кюперомъ, особенный интересъ представляетъ разсказъ османскаго автора Сейфи, писавшаго въ 1582 г., о торговлѣ чаемъ между Тибетомъ и Китаемъ. Разсказъ Сейфи, обнародованный въ французскомъ переводѣ Шефферомъ⁶⁾, между прочимъ показываетъ, что, вопреки установившемуся мнѣнію⁷⁾, слово «чай» проникло въ турецкій языкъ не черезъ посредство русскаго, но, благодаря китайско-тибетской торговлѣ, было извѣстно въ восточныхъ областяхъ ислама еще въ XVI в. и тогда же, задолго до начала торговли чаемъ между Россіей и Китаемъ, сдѣлалось извѣстнымъ османскому автору.

О европейскихъ путешествіяхъ въ Тибетъ авторомъ собранъ такой обширный матеріалъ, какаго мы не могли бы найти ни въ одномъ изъ другихъ сочиненій, ни на русскомъ, ни на западно-европейскихъ языкахъ; тѣмъ не менѣе, даже въ этой части труда приходится отмѣтить чрезмѣрную зависи-

1) *تبت خاقان* у арабовъ и въ *مجملة التواريخ* (ср. мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія», ч. I, стр. 20); *تبت خاقان* у Гардизи (ср. мой «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію», стр. 88, строка 14).

2) Ср. «Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія», ч. II, стр. 67. По словамъ Гренара (F. Grenard, *Le Tibet*, p. 306, у Н. В. Кюнера ч. II, вып. 2, стр. 83) тибетскія владѣнія, въ составъ которыхъ входилъ и Ваханъ, непосредственно граничили съ арабской имперіей; у Истахи (изд. de Goeje, p. 297) сказано только, что «между Ваханомъ и Тибетомъ небольшое разстояніе»; но въ VIII в. Ваханъ, по китайскимъ извѣстіямъ, дѣйствительно былъ подчиненъ тибетцамъ (E. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue occidentaux*, p. 152 и 165).

3) Ср. мой «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію», стр. 112.

4) Число «160» (переходовъ отъ Ле до Лхасы), повидимому, опечатка вм. «60»; ср. *The Tarik-i-Rashidi*, engl. vers., Lond. 1895, p. 455 sq.

5) *The Tabaqât-i Nâsiri*. ed. by capt. W. Nassau Lees, Calcutta 1864, p. 107—107. Raverty, *Tabakat-i Nasiri*, p. 560—572. Elliot, *History of India*, II, 309—313.

6) *Histoire de l'Asie Centrale* par Abdoul-Kerim Boukhary, trad., Paris 1876, p. 296.

7) Ср. З. В. О. XIX, 0106.

мость автора отъ своихъ предшественниковъ. На стр. 219 авторъ совершенно правильно отмѣчаетъ крупные недостатки одного изъ такихъ пособій— книги Г. Сэндберга «The exploration of Tibet»; между тѣмъ зависимость труда Н. В. Кюнера отъ этой книги оказывается гораздо болѣе значительной, чѣмъ можно было бы думать по количеству ссылокъ. На стр. 44 приводится, съ ссылкой на Маркхама¹⁾, дата смерти путешественника Ванъ-де-Путте— 1737 г.; въ дѣйствительности мы у Маркхама находимъ другую дату— 1745 г.²⁾; ошибочная дата, приведенная авторомъ, заимствована у Сэндберга³⁾. На стр. 155 говорится о дополненіяхъ Рокхила къ «графическому описанію» монастыря Кумбумъ, составленному Гюкомъ; выраженіе «графическое описаніе», едва ли имѣющее въ русскомъ языкѣ то же значеніе, какъ въ англійскомъ, заимствовано у Сэндберга⁴⁾. Въ пѣломъ рядѣ мѣстъ книги⁵⁾, гдѣ говорится о значеніи того или другого путешествія и гдѣ авторъ какъ-бы высказываетъ свое собственное мнѣніе, въ дѣйствительности буквально воспроизведены, безъ ссылки, слова Сэндберга.

Недостаточно критическое отношеніе автора къ своимъ предшественникамъ, можетъ быть, нагляднѣе всего проявляется въ слѣдующемъ примѣрѣ: на стр. 22 примѣчаній сказано, что Паркеръ «приводитъ рядъ выдержекъ изъ китайскихъ лѣтописей, доказывающихъ, что завоеваніе Тибета монголами было не только полностью завершено, но и обстоятельно разсказано»; Н. В. Кюнеръ въ этомъ случаѣ буквально воспроизводитъ слова самого Паркера⁶⁾, не замѣчая, что приведенныя Паркеромъ выдержки (заимствованныя исключительно изъ Юань-ши) въ дѣйствительности касаются только военныхъ дѣйствій въ пограничныхъ областяхъ тогдашняго Тибета (теперь входящихъ въ составъ Китая) и ничего не говорятъ о полномъ завоеваніи страны. При такомъ отношеніи автора къ трудамъ предшественниковъ вполне естественно, что его отзывъ о заслугахъ отдельныхъ путешественниковъ и изслѣдователей иногда оказывается слишкомъ благоприятнымъ. Таковымъ представляется намъ отзывъ о путешествіяхъ Свена Гедина (стр. 186 и слѣд.) и въ особенности о научныхъ результатахъ англійской «миссія» 1903—4 гг. (стр. 219 и слѣд.). Изъ собствен-

1) Ср. примѣч., стр. 37. Страница книги Маркхама указана невѣрно; вмѣсто LXVI надо читать LXII—LXIII.

2) Ту же дату по Маркхаму даетъ и К. Ganzenmüller, Tibet, Stuttg. 1873, S. 5.

3) G. Sandberg, Exploration of Tibet, p. 60.

4) Ibid., p. 202.

5) Ср. стр. 61 о комиссіи 1847 г. (Sandberg, Exploration, p. 137), стр. 95 о Сарать-Чандра-Дасѣ (ibid., p. 172), стр. 168 о миссіи Тэйлоръ (ibid., p. 212—213).

6) As. Quart. Review, Jan. 1904, p. 132.

ныхъ словъ автора видно, что посѣщеніе «запретнаго» города европейскимъ военнымъ отрядомъ не доставило наукѣ почти никакихъ новыхъ свѣдѣній. Произведенная экспедиціей съемка только подтвердила, «за самыми ничтожными исключениями», правильность картъ, составленныхъ раньше, на основаніи съемокъ пандитовъ (стр. 224). Собранныя членами экспедиціи научныя коллекціи были составлены «безъ всякой системы и не во имя интересовъ науки» (стр. 240). Самыми подробными свѣдѣніями объ администраціи Тибета остались и послѣ 1904 г. свѣдѣнія, собранныя болѣе чѣмъ 20-ю годами раньше Саратъ-Чандра-Дасомъ (прим., стр. 117). Даже составители плана Лхасы не могли воспользоваться своимъ положеніемъ хозяевъ города и, «чтобы не возбудить подозрѣній туземцевъ, не пользовались планшетомъ, а только буссолью, разстоянія же измѣряли шагами» (стр. 225). О религиозныхъ достопримѣчательностяхъ Лхасы участники экспедиціи, не обладая надлежащей подготовкой, могли сообщить только своя «поверхностныя впечатлѣнія» (ч. II, вып. II, стр. 88—89).

Въ обзорѣ путешествій по Тибету вошла также значительная часть фактическихъ свѣдѣній о странѣ, собранныхъ путешественниками; поэтому авторъ во второмъ выпускѣ, посвященномъ «очерку физической географіи Тибета», призналъ возможнымъ ограничиться «общими характеристиками и выводами, предполагая меньшія детали уже извѣстными изъ предшествующаго изложенія» (вып. I, стр. 262). Какъ и слѣдовало ожидать, авторъ при изложеніи этихъ «характеристикъ и выводовъ» находился еще въ болѣе тѣсной зависимости отъ своихъ предшественниковъ, чѣмъ при изложеніи фактическихъ данныхъ. На стр. 6 авторъ повторяетъ отъ своего имени слова Сиверса, по которымъ «Гималаи отдѣляютъ земледѣльческихъ индусовъ отъ пастушескихъ представителей монгольской расы»; на стр. 60 примѣчаній приводится безъ критики мнѣніе Сэндберга, по которому «тибетецъ является прирожденнымъ земледѣльцемъ по инстинкту»; впоследствии, при чтеніи этнографической части труда, читатель узнаетъ, что Гималаи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не составляютъ и этнографической границы, такъ какъ «тибетцы живутъ и по южнымъ склонамъ Гималаевъ отъ Инда до Брамапутры»¹⁾. Съ другой стороны, дѣйствительное этнографическое значеніе горной цѣпи Каракорумъ, отмѣченное Германомъ фонъ-Шлагинтвейтомъ²⁾, оставлено безъ вниманія (стр. 7—9).

Къ географической номенклатурѣ Тибета авторъ также не относится съ тѣмъ вниманіемъ, котораго можно было ожидать отъ ориенталиста. При-

1) Описание Тибета, ч. II, вып. I, стр. 4.

2) K. Ganzenmüller, Tibet, S. V.

водя значеніе того или другого названія, авторъ даже не сообщаетъ своимъ читателямъ, изъ какого языка это названіе заимствовано; такъ на стр. 16 упоминаются горы Баян-хара «богатая (золотомъ) черныя», на стр. 17 хребетъ Аркатаг («задній хребетъ»), на стр. 23 хребетъ Аккарчэкыл таг («бѣлоснѣжный скалистый хребетъ»), но не прибавлено, что первое названіе — монгольское, два послѣднихъ — турецкія. Не всегда названіе объясняется правильно; такъ Каракорумъ значить не «черный тронъ» (стр. 7), а «черная розсыпь»¹⁾. Наравнѣ съ тибетскими, монгольскими²⁾ и турецкими названіями употребляются и русскія, данныя Пржевальскимъ, причѣмъ въ этомъ отношеніи не замѣтно никакой системы³⁾. Этотъ послѣдній недостатокъ до нѣкоторой степени можетъ быть исправленъ, если къ третьей части, какъ можно надѣяться, будетъ приложенъ указатель также для двухъ первыхъ.

Въ главѣ о климатѣ Тибета (стр. 106—120) авторъ съ первыхъ строкъ предупреждаетъ своихъ читателей, что почти всѣ данныя по этому вопросу сводятся къ личнымъ впечатлѣніямъ путешественниковъ и что «трудно, почти невозможно дѣлать опредѣленныя заключенія изъ столь отрывочныхъ и разнохарактерныхъ данныхъ». Тѣмъ не менѣе онъ не ограничивается сопоставленіемъ противорѣчивыхъ мнѣній, но какъ бы присоединяется къ каждому изъ нихъ, такъ какъ высказываетъ всѣ эти мнѣнія отъ своего имени, и только изъ примѣчаній мы узнаемъ, кому принадлежитъ тотъ или другой взглядъ. Читателю сообщается, что «въ великомъ по результатамъ процессѣ чередованія индійскихъ муссоновъ—сѣверо-восточнаго и юго-западнаго, Тибетъ, за рѣдкими исключениями, почти не принимаетъ участія» (стр. 107); нѣкоторыя части Тибета (Бжянъ-т'анъ, западная и центральная части южнаго Тибета) «лежатъ совершенно внѣ дѣйствія влажныхъ муссоновъ» (стр. 108); нѣсколькими страницами дальше мы читаемъ, что «сезонъ индійскихъ муссоновъ до извѣстной степени ощущается по всему Тибету» (стр. 114); даже въ Бжянъ-т'анѣ лѣтомъ «выпадаютъ обильные дожди» (стр. 116). По вопросу о вліяніи климата на населеніе авторъ-ориенталистъ серьезно приводитъ наивное мнѣніе Уоделая,

1) Ср. значеніе слова Корумъ въ «Опытѣ словаря тюркскихъ нарѣчій» В. В. Радлова, т. II, стр. 561.

2) На стр. 53—54 описывается озеро Бжянъ-нам-ц'о-ч'ид-мо (ч. I, вып. I, стр. 74 Пчидмо, ср. у Рокхилля, *Diary*, p. 238); только изъ оглавленія и изъ примѣчаній мы узнаемъ, что это — то же самое озеро, которое болѣе извѣстно подъ монгольскимъ названіемъ Тенгри-норъ.

3) На стр. 18—19 описывается «хребетъ Марко Поло», причѣмъ туземное названіе совершенно не приводится, хотя это названіе (Ангиртакша) было приведено авторомъ въ другомъ мѣстѣ (ч. I, вып. I, стр. 83). О значеніи названія «Ангиртакша» см. W. Rockhill, *Land of the Lamas*, p. 140 и *Diary of a journey through Mongolia and Tibet*, p. 187—188.

по которому одна из особенностей тибетского языка — «замѣчательно малое число гласныхъ въ словахъ и чрезвычайное обиліе согласныхъ» — объясняется «вліяніемъ холоднаго климата, который заставляетъ держать ротъ по возможности менѣе открытымъ» (стр. 112).

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о климатическихъ условіяхъ страны находится вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыми эти условія могли подвергаться еще въ историческое время. До недавняго времени вопросъ о томъ, происходитъ ли вообще въ Средней Азии, слѣдовательно и въ Тибетѣ, процессъ постепеннаго высыханія, не возбуждалъ среди специалистовъ по физической географіи никакихъ сомнѣній; въ послѣднее время противъ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ были представлены вѣскіе доводы¹⁾. Н. В. Кюперу этотъ споръ, повидимому, остался неизвѣстенъ, и онъ не сомнѣвается въ правильности прежняго взгляда, по которому тибетскія озера «находятся въ періодѣ высыханія» (стр. 52) и по которому въ атыхъ озерахъ «площадь и уровень воды уменьшаются» (прим., стр. 30). Однако, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ размѣра озеръ, происходитъ, по его мнѣнію, процессъ постепеннаго расширенія области вышшняго стока насчетъ внутреннихъ бассейновъ. Въ то время, когда Бжянь-г'анъ былъ «дномъ одного или нѣсколькихъ обширнѣйшихъ прѣсноводныхъ озеръ», страна «еще въ болѣе рѣшительной степени была лишена вышшняго стока, чѣмъ нынѣ: истоки большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Индійскій океанъ, постепенно «углубляются внутри страны на западъ» и соединяются съ озерами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, происходитъ и обратный процессъ: для образованія верховьевъ Цзянь-по нѣкогда послужили «значительные озерные бассейны», остатки которыхъ теперь не имѣютъ соощенія съ океаномъ (стр. 57). Озеро Кукуноръ нѣкогда соединялось съ однимъ изъ истоковъ Хуан-хэ (прим., стр. 20); теперь такого соединенія нѣтъ, но авторъ убѣжденъ въ «близости момента», когда оно возобновится (стр. 29). Авторъ полагаетъ, что для этихъ физико-географическихъ процессовъ требуется настолько незначительный промежутокъ времени, что о нихъ могли сохраниться даже народныя преданія: въ преданіи объ озерѣ Кукуноръ, рассказанномъ у Гюка, по которому озеро когда-то «перешло по подземному каналу на сѣверъ» изъ южнаго Тибета, онъ видитъ «несомнѣнное» доказательство, что озеро «сравнительно недавняго происхожденія» (прим., стр. 21). Въ дѣйствительности подробности легенды ясно указываютъ на ея чисто-религіозное происхожденіе: вода, протекавшая по подземному каналу, вхо-

1) Ср. З. В. О. XVII, 091. Ср. теперь также Изв. Имп. Р. Г. О., т. XLIV, стр. 132 и слѣд. (мнѣніе А. И. Воейкова).

дпла въ котловину озера черезъ отверстіе; чтобы заполнить это отверстіе и спасти страну отъ наводненія, божество, принявъ видъ огромной птицы, принесло сюда скалистый островъ, на которомъ и теперь находится небольшая обитель отшельниковъ¹⁾. При такомъ характерѣ легенды едва ли есть основаніе связывать ее съ какими бы то ни было физико-географическими процессамп.

За географической частью труда слѣдуетъ этнографическая, причемъ первый выпускъ этой части посвященъ вопросу о «составѣ и бытѣ населенія». Можно было ожидать, что авторъ, какъ историкъ, окажется болѣе подготовленнымъ къ рѣшенію этнографическихъ вопросовъ, чѣмъ къ рѣшенію географическихъ, но и это ожиданіе не оправдывается. Даже терминологія этнографической науки такъ мало извѣстна автору, что онъ отождествляетъ родовую организацію съ общиной (стр. 79). Крайне пейсны и противорѣчивы его мнѣнія о родинѣ и странствованіяхъ тибетскаго племени. На стр. 4 сказано, что тибетцы «въ неизвѣстную историческую эпоху или даже ранѣе» (sic) перешли черезъ Гималаи и «разселились по южнымъ склонамъ Гималаевъ отъ Инда до Брампутры»; на стр. 85 примѣчаній авторъ присоединяется къ мнѣнію, по которому тибетцы изъ сѣверо-западнаго Китая по теченію рѣкъ перешли въ Индо-Китай и Индію и уже изъ Индіи «вверхъ» по Брампутрѣ въ собственный Тибетъ». На той же стр. 4 говорится о «до-арійскомъ тибетскомъ коренномъ населеніи» Кашмира; на стр. 23 Кашмиръ причисляется къ областямъ, гдѣ тибетцы «смѣшались съ коренными арійцами». Наконецъ все на той же стр. 4 область Спити названа «областью съ чисто тибетскимъ населеніемъ», въ противоположность области Лахулъ, гдѣ населеніе «смѣшанное индо-тибетское, среди котораго существуютъ рядомъ четыре отличныхъ языка» — и тутъ же прибавлено, что «подобное же смѣшеніе языковъ наблюдается и въ Спити».

Столь же мало выясненъ вопросъ о культурныхъ связяхъ между Тибетомъ и другими областями Азіи. Тибетцы признаются народомъ «половной—половинной культуры», что будто бы «явствуетъ уже изъ того факта, что въ ихъ странѣ, именно въ южной половинѣ, уживаются рядомъ кочевники и осѣдлое населеніе» (стр. 2). На томъ же основаніи авторъ долженъ былъ бы признать «половинной» культуру такого древняго культурнаго народа, какъ персы. Понятія «полной» и «половинной» культуры вообще едва ли могутъ быть научно обоснованы; во всѣхъ культурныхъ странахъ, не исключая западной Европы, различные слои населенія находятся на различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія, и даже среди самыхъ культур-

1) W. Rockhill, Land of the Lamas, 123.

ных слоевъ можно отмѣтить пережитки болѣ раннихъ эпохъ. Одновременное существованіе въ Тибетѣ осѣдлаго и кочевого быта объясняется, какъ тутъ же признаетъ и самъ авторъ, «соединеніемъ здѣсь различныхъ физическихъ условий». Еще менѣе основанія причислять эту особенность бытового строя къ расовымъ признакамъ; между тѣмъ авторъ, повидимому, склоненъ признавать кочевой бытъ «характернымъ», хотя «этнографически не наиболее важнымъ» признакомъ монгольской расы (ibid.).

По словамъ автора, «даже та несовершенная культура, которая нынѣ является удѣломъ тибетцевъ, главнымъ образомъ южныхъ, не развилась самостоятельно» (ibid.). То же самое, какъ извѣстно, можно сказать о «несовершенной» культурѣ всѣхъ прочихъ древнихъ и новыхъ народовъ за исключеніемъ, можетъ быть, китайцевъ, древнихъ египтянъ и до-сеMITЯСКОГО населенія Вавилоніи. Тибетцы обязаны своей культурой, какъ извѣстно, главнымъ образомъ индійцамъ и китайцамъ. По вопросу о томъ, насколько въ настоящее время продолжается вліяніе китайцевъ на Тибетъ, мы въ книгѣ Н. В. Кюнера находимъ, по обыкновенію, противорѣчивыя мнѣнія. На стр. 15 авторъ присоединяется къ мнѣнію Гакмана, по которому теперь «никакого взаимнаго обмѣна между обѣими религіозными формами (тибетскимъ и китайскимъ буддизмомъ) не производится, какъ его не существуетъ и между народностями»; на стр. 27 примѣчаній приводятся, со словъ Рокхила, фактъ, что архитектура храмовъ и библиотекъ «по всему Тибету китайская». Для мѣстностей, гдѣ границы Китая соприкасаются съ границами Тибета, приводятся какъ примѣры вліянія китайцевъ на тибетцевъ (стр. 13), такъ и примѣры обратнаго вліянія (стр. 40 и прим., стр. 9).

Независимо отъ культурнаго вліянія Индіи и Китая, въ Тибетъ проникали также передне-азиатскіе и средне-азиатскіе культурные элементы, о которыхъ мы въ книгѣ Н. В. Кюнера находимъ только отрывочныя свѣдѣнія, остающіяся неразъясненными и непровѣренными. Едва ли была надобность повторять слова Уодделя, по которымъ «мало надежды, что въ Тибетѣ оправдаются предположенія тѣхъ ученыхъ, которые думали найти въ этой странѣ исчезнувшія съ гибелью Атлантиды начала наиболее раннихъ цивилизацій міра, предшествовавшихъ древнему Египту и Ассиріи» (стр. 115). Такіе ученые теперь едва ли существуютъ; при современномъ состояніи науки можетъ быть рѣчь только о вліяніи культуры Передней Азіи на Тибетъ, не объ обратномъ вліяніи. Въ книгѣ Н. В. Кюнера встрѣчаются указанія на культурныя слова передне-азиатскаго происхожденія, вошедшія въ тибетскій языкъ, и на другіе факты, свидѣтельствующіе о такомъ куль-

турномъ общеніи; но эти указанія не сопоставлены между собой и не приведены съ систему.

На стр. 62 тибетское слово «чуба»¹⁾ сближается какъ со словомъ «дзуба восточныхъ тюрокъ», для обозначенія мѣхового одѣянія», такъ и съ русскимъ словомъ «шуба», будто бы заимствованнымъ «изъ того же тюркского языка». Какъ извѣстно, турецкое слово, на которое указываетъ авторъ, принадлежить къ числу арабскихъ словъ, вошедшихъ въ турецкій языкъ. Фактъ заимствованія арабского слова, черезъ посредство турковъ, съ одной стороны славянами, съ другой — тибетцами представляя бы большой культурно-историческій интересъ, если бы только этотъ фактъ могъ быть научно установленъ. На самомъ дѣлѣ нельзя было бы привести никакихъ доводовъ въ пользу происхожденія русского слова «шуба»²⁾ отъ турецкаго «цуба»; связь между словами турецкимъ и тибетскимъ тоже остается недоказанной, тѣмъ болѣе, что слово цуба³⁾ употребляется только османцами, крымцами и персидскими турками и, повидимому, совершенно невѣдомо восточнымъ туркамъ.

На стр. 109 говорится о тибетскихъ цифрахъ, «видоизмѣненныхъ арабскихъ». Мнѣніе объ арабскомъ происхожденіи тибетскихъ цифръ принадлежитъ Дегодену и тѣсно связано съ мнѣніемъ того же изслѣдователя о мусульманскомъ происхожденіи тибетскаго счисленія времени (по Дегодену⁴⁾ тибетцы заимствовали астрологию, календарь и дни недѣли изъ Туркестана). Н. В. Кюннеру извѣстно, что «въ основу тибетскаго лѣтосчисленія положенъ индійскій цикль» (стр. 108) и что если можно говорить о турецкомъ происхожденіи этого цикла, то только въ смыслѣ «первоначальнаго турецкаго происхожденія» животнаго цикла вообще — мнѣніе, котораго придерживаются нѣкоторые ученые. Во всякомъ случаѣ, если даже тибетцы заимствовали свой цикль непосредственно отъ турковъ, то и это заимствованіе могло имѣть мѣсто только до принятія ислама, слѣдовательно, не имѣетъ отношенія къ заимствованію арабскихъ цифръ. Были ли «арабскія» цифры заимствованы тибетцами у мусульманъ или изъ того же источника, откуда ихъ получили арабы, т. е. у индійцевъ, остается невыясненнымъ.

На стр. 103 примѣчаній приводится слово деб-г'ер или деб-гтер,

1) W. Rockhill, Land of the Lamas, p. 243 chuba; Diary, p. 234 ch'uba.

2) Ср. о немъ Вл. Даль, Толковый словарь живого великорусскаго языка, 3-е изд. подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, IV, 1479 (сближеніе съ нѣм. Schaubе и средне-верхне-нѣм. Shübe).

3) О немъ В. В. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, IV, 189. — Л. Будаговъ. Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, I, 432.

4) Desgodins, Thibet, 2-me ed., Paris 1885, p. 369.

«заимствованное съ персидскаго языка». Какъ извѣстно, слово «дебтер» принадлежить къ тѣмъ культурнымъ словамъ, которыя перешли въ языки Передней Азіи, между прочимъ и въ персидскій, изъ греческаго и были принесены въ Восточную Азію сирійцами; то же слово «дебтер» мы находимъ и въ монгольскомъ языкѣ. При такихъ условіяхъ предположеніе о непосредственной связи между персидскимъ и тибетскимъ словами болѣе чѣмъ сомнительно; во всякомъ случаѣ вопросъ нуждается въ дальнѣйшемъ выясненіи.

На стр. 106 примѣчаній приведено, съ ссылкой на В. П. Васильева, интересное извѣстіе «о существованіи тибетскаго перевода трудовъ знаменитаго врача классической древности — Галена». В. П. Васильевъ, однако, самъ передавалъ это извѣстіе только съ чужихъ словъ¹⁾, причемъ прибавлялъ, что лично такого перевода не видѣлъ. Можно было ожидать, что авторомъ будетъ выяснено, изъ какого источника заимствовано это извѣстіе, соотвѣтствуетъ ли оно дѣйствительности и съ какого языка, въ такомъ случаѣ, былъ сдѣланъ переводъ (едва ли на тибетскій языкъ могъ быть переведенъ непосредственно греческій подлинникъ); но объ этомъ намъ ничего не сообщается.

Изъ культурныхъ словъ средне-азиатскаго происхожденія приводятся слова *дарханъ* (примѣч., стр. 43: «освобожденная отъ повинностей вдовы», съ ссылкой на Козлова, Камъ, I, 570), очевидно тожественное съ турецко-монгольскимъ *тархан*, и *дам-к'а* (прим., стр. 80: «правительственная печать»), тожественное съ турецко-монгольскимъ *тама*. Вопросы о происхожденіи слова «дарханъ» авторъ не касается; слово «дам-к'а» даетъ ему «лишній поводъ подчеркнуть несомнѣнность прежняго существованія культурной связи между тибетцами и турками». По нашему мнѣнію, вполне возможно, что оба слова проникли въ тибетскій языкъ гораздо позднѣе, подъ влияніемъ терминологіи монгольской имперіи, въ составъ которой входилъ и Тибетъ. Еще болѣе поздняго происхожденія, можетъ быть, то названіе тибетской серебряной монеты²⁾, о которомъ говорится во второмъ выпускѣ этнографической части и которое представляетъ сходство съ терминомъ монгольскаго періода «тенге», перешедшимъ и въ русскій языкъ («деньга»). Въ числѣ другихъ странъ, нѣкогда входившихъ въ составъ монгольской имперіи, этотъ терминъ сохранился въ Восточномъ Туркестанѣ,

1) *Mélanges Asiatiques*, II, 574.

2) Описание Тибета, ч. II, вып. II, стр. 33 «дамха» (по произношенію Цыбикова, ср. прим., стр. 17). У Рокхила (*Land of the Lamas*, p. 208) *трапка*, у Сарать-Чандра-Даса (*Путешествіе въ Тибетъ*, перев. под. ред. Ва. Котвича, Спб. 1904, стр. 55) «тавка».

откуда его, по всей вѣроятности, заимствовали тибетцы, приступившіе къ чеканкѣ собственной монеты только во второй половинѣ XVIII вѣка.

Вообще второй выпускъ этнографической части, посвященный «экономическому очерку Тибета», отличается тѣми же свойствами, какъ предыдущіе отдѣлы книги. Противорѣчія встрѣчаются и здѣсь; такъ въ городѣ Лхасѣ «порядокъ поддерживается очень исправно туземной полиціей» (стр. 96) и въ то же время «всѣ туземные агенты индійскаго правительства, посѣщавшіе Лхасу, единогласно утверждали, что въ столицѣ во всякое время бываетъ мало порядка и законности» (прим., стр. 62). Встрѣчаются, хотя и рѣдко, ошибки противъ историческихъ фактовъ; такъ царевичъ Годанъ былъ не братомъ Хубилая (стр. 175), но сыномъ Угэдэя, братомъ прежняго великаго хапа Гуюка¹⁾. На стр. 37 примѣчаній курсивомъ напечатаны слова Риттера о дорогѣ изъ Лхасы мимо Тенгри-пора въ Яркендъ, какъ о «единственномъ извѣстномъ сообщеніи между Яркендомъ и Китаемъ», пріемъ не прибавлено, что этотъ взглядъ Риттера совершенно не соответствуетъ дѣйствительности²⁾.

Недостатки книги отчасти объясняются той спѣшностью, при которой только и было возможно появленіе четырехъ выпусковъ въ теченіе двухъ лѣтъ. По той же причинѣ число корректурныхъ недосмотровъ настолько значительно, что иногда они затрудняютъ чтеніе книги. Въ первомъ выпускѣ авторъ объясняетъ этотъ недостатокъ «крайне неблагоприятными обстоятельствами, при которыхъ происходило печатаніе первой половины настоящаго выпуска въ частной типографіи»; но въ слѣдующихъ выпускахъ количество опечатокъ нисколько не меньше. Въ списки «замѣченныхъ опечатокъ» не включены нѣкоторые корректурные недосмотры, совершенно искажающіе смыслъ³⁾; сверхъ того печатаніе этихъ списковъ не обошлось безъ новыхъ ошибокъ⁴⁾. Встрѣчаются опечатки въ ссылкахъ⁵⁾; иногда при ссылкахъ на книгу указаніе на страницу пропущено совсѣмъ⁶⁾. Авторъ часто позво-

1) Авторъ въ этомъ случаѣ буквально повторяетъ, безъ ссылки на источникъ, слова В. Л. Котвича (Саратъ-Чандра-Дасъ, Путеш. въ Тибетъ, стр. 19). По Рашид-ад-дину Кутанъ (Годанъ) былъ вторымъ изъ семи сыновей Угэдэя. Ср. о немъ же (по Джузеппи) у д'Оссона, Histoire des Mongols, II, 232. По Рашид-ад-дину Годанъ умеръ не въ царствованіе Гуюка, но въ царствованіе Мункэ.

2) Ср. хотя бы свѣдѣнія, приведенныя Григорьевымъ во второмъ выпускѣ того же «Восточнаго Туркестана», стр. 362—367.

3) Ср. ч. I, вып. I, стр. 84 «въ концѣ 1880 г.» вм. «въ концѣ марта 1880 г.» и «15 мѣсяцевъ» вм. «5 мѣсяцевъ»; ч. I, вып. II, стр. 119 «3 декабря» вм. «3 августа»; *ibid.*, прим., стр. 21 «въ серединѣ 1896 г.» вм. «въ серединѣ ноября 1896 г.»

4) Ср. списокъ опечатокъ въ ч. II, вып. II, гдѣ поправка къ «стр. 54, 2 строка сверху», относится не къ тексту, какъ напечатано, но къ примѣчаніямъ.

5) Ч. I, вып. II, прим., стр. 31 «324—6» вм. «224—6».

6) Напр. ч. II, вып. I, стр. 5, 16, 21, 38.

лгать себѣ буквально выписывать слова своихъ источниковъ безъ знаковъ рѣчи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наоборотъ, знаки рѣчи поставлены неправильно, такъ какъ слова подлинника приводятся въ нѣсколько сокращенномъ и измѣненномъ видѣ¹⁾.

Говоря о внѣшнихъ недостаткахъ книги, нельзя не упомянуть о многочисленныхъ неудачныхъ выраженіяхъ (достаточно указать на выраженіе «правственная этика», ч. II, вып. I, стр. 76 и на часто встрѣчающіяся въ географической части слова «смѣющійся пейзажъ») и въ особенности о нѣмецкомъ переводѣ оглавленія, приложенномъ къ тремъ первымъ выпускамъ (во второмъ выпускѣ второй части оглавленіе помѣщено только по-русски). Въ настоящее время авторы русскихъ научныхъ трудовъ обыкновенно обходятся безъ такихъ знаковъ вниманія къ иностраннымъ читателямъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они не владѣютъ иностранными языками настолько, чтобы придать такимъ резюме или оглавленіямъ форму, соотвѣтствующую достоинству русской науки. Нѣмецкое оглавленіе книги Н. В. Кюнера, въ которомъ мы находимъ такія выраженія, какъ «die moralische Physiognomie der Tibeter» (ч. II, вып. I, стр. IX) и «Abwesenheit der Kasten-Abgeschlossenheit» (ibid., стр. XIII), является въ этомъ отношеніи печальнымъ пережиткомъ прежняго обычая.

Несмотря на указанные недостатки, трудъ Н. В. Кюнера, по нашему мнѣнію, даетъ автору полное право на благодарность специалистовъ. Первый выпускъ первой части, заключающій въ себѣ обзоръ изученія Тибета европейцами, представляетъ вполне законченный трудъ, какого не было до настоящаго времени ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ ни для одной области, входящей въ составъ Китайской имперіи. Если автору въ слѣдующихъ выпускахъ не удалось вполне разобраться въ сложныхъ географическихъ и этнографическихъ вопросахъ, связанныхъ съ изученіемъ Тибета, то несомнѣнно, что собранный имъ обширный матеріалъ значительно облегчаетъ эту работу въ будущемъ какъ для него самого, такъ и для другихъ изслѣдователей. Обнаруженный авторомъ рѣдкій научный энтузіазмъ и обширная эрудиція даютъ полное основаніе надѣяться, что обѣщанная третья часть труда (политическая и культурная исторія Тибета, главнымъ образомъ по китайскимъ источникамъ) окажется самостоятельнымъ трудомъ специалиста и прочнымъ приобрѣтеніемъ для науки.

В. Б.

1) Ср. напр. ч. I, вып. II, стр. 62 и подлинныя слова Рокхила въ «Land of the Lama», p. 224 и слѣд.